

ПОБЕДА РУССКИХ ВОЙСК НАД ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ ПОД ОПОЧКОЙ В 1517 ГОДУ

Д. М. Володихин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 25 марта 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о целях и ходе вооруженной борьбы за город Опочку между русской и польско-литовской армиями. Автор делает вывод о стратегическом значении борьбы за Опочку.

Ключевые слова: Василий III, князь А. В. Ростовский, оборонительная операция у Опочки, московско-литовские войны, военное искусство.

Abstract: this paper examines the purpose and progress of the armed struggle for the town of Opochka between Russian and Polish-Lithuanian armies. The author makes a conclusion about the strategic importance of the struggle for Opochka.

Key words: Vasily III, prince A. V. Rostovski, defensive operation at the town of Opochka, Moscow-Lithuanian wars, the art of war.

В дореволюционную эпоху шло оживленное изучение русско-литовских связей, в том числе войн между Московским государством и Великим княжеством Литовским, а также мирных договоренностей, которыми завершались вооруженные столкновения. Однако в советское время естественное развитие исторической науки в этом направлении затормозилось из-за дурно понятого интернационализма: Литва – союзная республика, Польша – союзник по соцлагерю. Так стоит ли заострять внимание на прежних разногласиях? В результате московско-литовские войны исчезли из школьных учебников, из планов научной работы и оказались на периферии научно-популярной литературы.

В итоге многие значительные военные и дипломатические достижения времен масштабного вооруженного противоборства между Россией и ВКЛ до сих пор остаются слабо изученными. Более того, они малоизвестны широкой читательской аудитории. Множество людей, не исключая и ученых гуманитарной направленности, скверно понимают ход и значение этой титанической борьбы.

Тем важнее дать современным специалистам научно обоснованную историческую реконструкцию важнейших событий того периода. Среди них выделяется масштабная победа русских войск над силами польско-литовского вторжения, одержанная в 1517 г. под Опочкой. Ее научное описание и является целью данной статьи.

В сентябре 1517 г. гетман Константин Острожский, когда-то русскими войсками разбитый на Ве-

дреше, а затем одержавший победу под Оршей, двинулся из Полоцка на псковский «пригород»¹ Опочку. Наместником Опочки и главой тамошнего гарнизона был Василий Михайлович Салтыков [1, с. 158]. Первым осадную армию Острожского встретил именно он.

Опочка не располагала мощными оборонительными сооружениями. По словам того же Герберштейна, там находилась деревянная крепость (в отличие от Порхова и Пскова, где имелись каменные крепости), стоявшая «на высоком, островерхом, как конус, холме» [2, с. 388]. Скорее, этот холм и река у его основания обороняли Опочку, нежели ее невеликая крепостица. Однако Опочка все же была довольно значительным городом. М. Н. Тихомиров считал, что Опочка, во всяком случае, до ее тяжкого разорения в годы Ливонской войны, являлась крупным ремесленным центром со значительным рынком; у нее было богатое торговое прошлое, имелся обширный посад [3, с. 325].

Очевидно, целью нападения была не одна Опочка. Да, в первой половине XVI столетия этот город мог считаться достойным призом для большой королевской армии, двинувшейся в генеральное наступление. Но за ним открывалась еще более заманчивая перспектива. Если бы Опочка быстро открыла ворота, польско-литовские войска получили бы возможность пойти дальше и захватить Вороноч², Брев, Владимирец, если повезет, то еще и Остров, Порхов, а то и сам Псков. Объектов для осады и захвата у южном Припсковье хватало.

¹ Малый подчиненный городок.

² Ныне Воронич или Воронч – городище и деревня во Псковской области.

Наступление готовилось на протяжении многих месяцев. А. Н. Лобин указал на королевское распоряжение, отданное еще в апреле о сборе войск в Полоцке к сентябрю, ко дню празднования Рождества Богородицы. Проезжая Опочку весной 1517-го, немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн уже прекрасно знал, что король польский планирует склонить Москву к «сносным условиям мира», нанеся здесь удар собственными войсками и договорившись с крымцами об одновременном набеге на московские владения с юга [2, с. 294]. Силу крымцев московская дипломатия перенаправила против самой Литвы.

Перед началом кампании король Сигизмунд I явился в Полоцк, обсудил там военные планы и, отправив войска, сам остался в городе «с малыми людьми». Очевидно, король возлагал на гетмана Острожского большие надежды и считал необходимым присмотреть за организацией тыловой поддержки наступления [4, с. 64].

К тому времени большая московско-литовская война длилась уже пять лет. Войскам великого князя московского Василия III удалось взять Смоленск и ряд других, менее значительных пунктов. Однако их наступление было остановлено в 1514 г. поражением под Оршей. Обе стороны не были довольны состоянием дел на театре военных действий. Масштабная наступательная акция Острожского должна была поставить в войне точку, решительно склонив чаши весов в пользу Литвы. Таким образом, эта операция имела стратегическое значение.

Главной силой, противостоящей армии Острожского в данном регионе, был не гарнизон Опочки и не гарнизоны соседних небольших крепостей, а крупное полевое соединение, подчинявшееся известному полководцу того времени князю Александру Владимировичу Ростовскому.

В июне 1517 г. Александр Владимирович уже выходил с войсками к Великим Лукам, чтобы продолжить тактику «заслона», активно оперирующего против литовцев.

Судя по списку воевод, князь А. В. Ростовский располагал солидными силами: в каждом полку по 2–3 воеводы – для небольшого полевого соединения хватало по одному воеводе на полк. Всего у него под началом оказалось 10 воевод. Очевидно, разведка полководца загодя установила факт широкомасштабных приготовлений литвы к наступательной операции на этом направлении. Посол германского императора барон Сигизмунд Герберштейн проезжал 29 марта через Опочку и знал, что литовцы готовятся осадить ее. «Хотя в тех местах, – пишет он, – из-за частых болот, лесов и бесчисленных рек не найти, кажется, ни одного направления, удобного для движения войск, они тем не менее двигаются прямо, куда бы им ни

было нужно, высылая вперед множество крестьян, которые обязаны удалить всякие препятствия: вырубить деревья и настлать мосты через болота и реки». Добравшись до Новгорода Великого, барон по поведению тамошнего наместника – князя А. В. Ростовского – понял: «Видимо, московиты... разузнали о приготовлениях короля к осаде Опочки» [2, с. 388, 390; 5, 193].

Под команду Александра Владимировича был отправлен легкий корпус из-под Вязьмы – еще пятеро воевод с воинскими частями во главе с князем В. В. Шуйским, в том числе воевода Полка левой руки Иван Васильевич Ляцкий, которому предстояло сыграть выдающуюся роль в предстоящем столкновении с неприятелем. Вряд ли у Ляцкого под командой находилось тогда более 1000 человек, скорее, он располагал всего несколькими сотнями бойцов. Примерно такие же силы были и у князя Федора Васильевича Телепнева-Оболенского по прозвищу Лопата, числившегося у Великих Лук вторым воеводой Передового полка в армии князя А. В. Ростовского. Оболенскому также суждено было сыграть в грядущей битве незаурядную роль [1, с. 154–155; 6, с. 61].

Противнику удалось сконцентрировать на этом направлении значительные силы, в том числе собственно литовское ополчение Ю. Радзивилла, отряды поляков и центрально-европейских наемников («жолныри», «чахи, ляхи, угорове, литва и немцы... мураве, мозовшане, волохи и сербаве») под командой Я. Сверчовского, татарский отряд, группу военных инженеров («аристотели»), а также «великий наряд пушечный и пищальный». Подойдя к Опочке 20 сентября, Острожский блокировал город со всех сторон, открыл огонь из пушек и пищалей. 6 октября гетман отдал приказ на штурм укреплений [7, с. 353–354; 8, с. 261–262; 9, с. 99].

Поляки и литовцы были совершенно уверены в успехе дела. Они с презрением называли маленькую Опочку «свинным хлебом» [10, с. 391]. Тем более поразили их результаты приступа.

Воевода и наместник Опочки В. М. Салтыков с гарнизоном и горожанами отбивал приступы из пушек и пищалей, «и катки большими и слоны из города» (видимо, бревнами и деревянными чурками). Ему удалось нанести Острожскому большой урон. Погиб вражеский военачальник Сокул, а его знамя стало русским трофеем. Приступ длился весь день, но не привел гетмана к успеху... Князь А. В. Ростовский скоро узнал о вторжении польско-литовской армии и сообщил тревожные вести в Москву. Определяя способ противодействия столь опытному военачальнику, как Острожский, Александр Владимирович выбрал уже опробованную тактику: наносить удар небольшими мобильными отрядами, тревожить противника,

не давать ему покоя; боевое ядро великолуцкого полевого соединения постепенно придвигалось к неприятелю, но не дробилось и не провоцировало к решающему сражению. Так началась большая оборонительная операция. В летописи указано, что князь А. В. Ростовский послал «...наперед себя лехких людей и воевод князя Федора Васильевича Оболенского Лопату да Ивана Васильевича Ляцкого и иных воевод и детей боярских не со многими людьми, а велели им помогати пригороду Опочке, ото всех сторон войску литовскому мешати, а сами воеводы пошли противукоролевых воевод со многими людьми». Как уже говорилось выше, отряды, коими могли оперировать И. В. Ляцкий и князь Ф. В. Телепнева-Оболенский, сами по себе не могли разгромить вражескую армию – для этого они были слишком незначительны: едва-едва полтора полноценных полка, если сложить их воедино и добавить прикомандированные части И. А. Колычева, И. Мисина и П. Лодыгина. Однако русские военачальники использовали эффект неожиданности. Острожский, занятый организацией штурма, явно не уследил за внешней обстановкой, возможно, пренебрег разведкой и в результате подвергся внезапному удару: «Переднии воеводы государя... князь Федор Васильевич Оболенский и Иван Васильевич Ляцкий... пришед под литовское войско удариша на них с трех сторон, да литовскому войску многих побиша, а иных многих... поимаша и к большим воеводам послаша. В то же время пришла весть И. В. Ляцкому, что многие люди ляхове идут на помощь королеву войску. И Иван Васильевич с своими товарищи шед противу них, бящеся с ними. И Божиею помощию воевод лядцких 4000 войска побиша, а иных воевод их поимаша: Черкаса Хрептова и брата его Мисюря, да Ивана Зелепугина, и многих людей живых поимаша, и пушки у них и пищали взяша и к большим воеводам их послаша». Псковская 1-я летопись сохранила подобный рассказ об успешном рейде И. В. Ляцкого. Он узнал, что к литовцам от Брянска («от Брянска Красногородские волости»³) идет подмога во главе с неким паном Черкасом. К тому времени Ляцкий уже переправился через реку Великую «и через Синю реку». Быстрым маршем он подобрался к неприятельскому сикурсу. Синяя протекает намного западнее Опочки, так что Ляцкому пришлось совершить дальний бросок в западном направлении. Литовцы «обсторожились на Ключищах»⁴

³ Брянск или Брянск – ныне город Брянск Полотской области в Белоруссии, находится северо-западнее Полоцка.

⁴ Место никак не связано с деревней Ключищем в Печорском районе Псковской области: совершенное безумие перебрасывать резервы из Брянска под Опочку через эти Ключища: войскам пришлось бы сделать огромный крюк. Скорее, место битвы находится в «Красногородской волости», это гораздо более уместный маршрут, и слова псковской летописи

[11, с. 337]»: заняли холм и построили там острожек, а русских пленников заперли в местном храме. Ляцкий велел блокировать литовский отряд со всех сторон и взять острог приступом. Литовцы долго сопротивлялись, но, в конце концов, сдали свое укрепление; Черкас заперся в «поповом доме», пытался продолжить бой, однако его людей порубили, а самого военачальника взяли живым вместе с последними его защитниками; русских пленников выпустили на волю. Таким образом, подмоги гетман не получил.

18 октября 1517 г. Острожский отступил от Опочки, «видев своего войска падение и юже на нь победу и послышав великого государя Василия больших воевод». Русские легкие воеводы преследовали гетмана и били вдогон. Острожский бросил все воинское имущество, предназначенное для осады⁵ [7, с. 353–354; 8, с. 261–262; 9, с. 99–100; 12, с. 503].

Иными словами, до генерального сражения дело еще не дошло, а Константин Острожский уже почувствовал, что операция проиграна, и отступил столь стремительно, что оставил русским богатые трофеи. Почему это произошло?

Обстановка вокруг литовской армии ухудшалась постепенно: крепость не сдавалась, с флангов и тыла на расположение осаждающих обрушивались удары русских «легких людей»; потери, таким образом, росли, а победа не приблизилась ни на шаг. Между тем погода портилась. По словам Герберштейна, литовцы совершили стратегическую ошибку: «войско прибыло слишком поздно, и из-за такого опоздания, а также из-за таяния снега должно было торопиться назад». Противореча себе, в другом месте немецкий дипломат пишет, что польские войска «из-за зимы не могли долго оставаться в поле». В любом случае он признает, что широко задуманное наступление на российскую западную окраину завершилось «безрезультатно», и в качестве главной причины указывает на погоду, не благоприятствовавшую литовцам [2, с. 388, 395].

Возможно, климатический фактор и сыграл какую-то роль (хотя, стоит заметить, русские войска оперировали в тех же погодных условиях). Но все же главный фактор, заставивший Острожского признать

ца «от Брянска Красногородские волости» следует воспринимать как описку. Видимо, правильнее было бы читать «от Брянска через Красногородскую волость». Тем более что в дипломатических документах упомянуты боевые действия И. В. Ляцкого как раз у «Красного городка».

⁵ Судя по дипломатическим документам, отряду князя Ф. В. Телепнева-Оболенского был придан на усиление еще менее значительный отряд – люди Ивана Мисина, числившегося вторым воеводой в маленьком Сторожевом полку великолуцкой армии, а на третьем направлении действовала еще одна малая группа – отряд И. А. Колычева (второго воеводы Полка Правой руки в великолуцкой армии) и воинского головы Петра Лодыгина [4, с. 64, 65].

поражение и скомандовать отход, – отнюдь не действия русских авангардных воевод и не дожди с морозами. От Великих Лук передвинулось к северо-западу соединение князя А. В. Ростовского – те самые «великие воеводы», о которых «прослышал гетман». Не очень понятно, успел ли Александр Владимирович схлестнуться с литовцами. Если и так, то его полки всего лишь пощипали арьергард Острожского. Но все же участие их в победе весьма серьезное; только оно не боевое, а иного рода. Об этом говорит рапорт полководца, отправленный им в Москву 24 октября 1517 г. Князь А. В. Ростовский, главнокомандующий всей оборонительной операции, доложил государю Василию III, что И. В. Ляцкий с князем Ф. В. Оболенским «и иными воеводами» литовцев «многих побили и не в одном месте, а иных людей переимали, да и воеводу у них поимали»⁶. И под Опочкой людей литовских з города побили многих, и литовского воеводу Сокола убили; а Костянтин Острожский пошел от Опочки в свою землю». Послание было отправлено *из-под Вороноча* [12, с. 503]. По данным псковского летописания, русские полки стояли за рекой Соротью в Изборщине («в Ызборщины»), а Сороть протекает именно в тех местах, где располагается ныне городище и деревня Воронич, так что место новой позиции великолукской армии можно считать твердо определенным [9, с. 100].

Отсюда видно: если какие-то «иные воеводы» из состава главных сил великолукской армии и участвовали в боевых действиях, то сам командующий руководил оборонительной операцией издалека. Главным инструментом воздействия на ситуацию стала в его руках угроза нападения по-настоящему крупных сил на лагерь Острожского. Взглянув на карту Псковщины, легко заметить, что армия князя А. В. Ростовского, передвинувшись с позиции у Великих Лук к позиции у Вороноча, должна была совершить стремительный более чем 100-километровый марш. Встав здесь, Александр Владимирович загородил неприятелю дорогу на Псков. Вместе с тем он находился примерно в 30–35 км от осажденной Опочки, т. е. всего в дне конного пути, а значит, мог своевременно посылать ей подмогу или же атаковать всей мощью своих полков.

Для гетмана Острожского такая позиция русского полевого соединения таила серьезную угрозу: литовцев могли обойти с востока и отрезать от главной операционной базы – Полоцка. Собственно, это уже и начали делать Ляцкий с Оболенским. Очевидно, весь расчет гетмана строился на том, что Опочка падет чрезвычайно быстро. Тогда великолукская армия не успеет закрыть дорогу на Псков и ударить в

тыл. Возможно, удастся продолжить успешное наступление, захватить иные населенные пункты, укрепиться – если действовать быстро. Во псковском летописании содержится краткое известие, согласно которому Острожский отправлял отряды под Вороноч, Велье и Красный, видимо, планируя в перспективе взять эти малые «городки» [там же, с. 99–100]. Но под Опочкой литовцев остановили, Ростовский успел взять северное направление под контроль, и гетман не стал рисковать: отвел потрепанную армию, пока она оставалась управляемой.

Таким образом, насколько опочецкий наместник В. М. Салтыков с гарнизоном «перестояли» Острожского, превзошли его войско в мужестве, настолько же князь А. В. Ростовский переиграл гетмана с литовцами в маневрировании.

Источники не позволяют оценить потери противника сколько-нибудь точно. Летописное свидетельство о том, что лишь в результате рейда И. В. Ляцкого враг потерял 4000 убитыми, не считая пленных, – явное преувеличение. Малый отряд, штурмовавший укрепленный пункт и нанесший противнику одних только невозвратных потерь в 4–5 раз больше своей численности, – это из области фантастики и пропаганды.

В дипломатических документах того времени зафиксированы известия об Опочецкой победе, которые были распространены русскими дипломатами за рубежом; там, в частности, потери литовцев от «легких» воевод, от действий самого князя А. В. Ростовского и при штурме Опочки оценены в совершенно фантастическую величину – более 16 000, а в другом месте даже более 20 000 человек [4, с. 64–65; 13, с. 480–481]! Вряд ли армия Острожского, приведенная под Опочку, в целом достигала такой численности. В этом смысле русская государственная пропаганда действовала аналогично литовской, беспредельно раздувавшей потери московских полков под Оршей.

А. А. Зимин произвел анализ польско-литовских источников и вывел по ним более правдоподобную цифру: при штурме города одни наемники потеряли около 1500 бойцов убитыми и ранеными. А по данным русского пленника Тимофея Рупосова, сбежавшего от литовцев, предварительно получив у них сведения о битве за Опочку, – приблизительно 5000 убитыми, ранеными и пленными [4, с. 234; 14, с. 234]. По словам того же Т. Рупосова, король Сигизмунд I с досадой называл Опочку «бесовой деревней».

Даже авторы польских хроник, весьма не расположенные к Московскому государству, признавали: под Опочкой, особенно во время штурма, королевское войско понесло тяжелые потери. Так, Мартин Бельский сообщает: стреляя по атакующим воинам и сбрасывая на них бревна, русские многих убили.

⁶ Вероятно, имеется в виду взятый в плен «Черкас Хрептов[ич?]» из летописи.

Камнем, брошенным из крепости, смертельно ранен был знатный шляхтич Анджей Боратынский герба Корчак, впоследствии скончавшийся от раны в Вильно [15, s. 485]. Мачей Стрыйковский, последовательный недоброжелатель Москвы, признавал: немало чешских наемников легло тогда у стен Опочки, пораженных стрельбой, а также камнями и колодами, летевшими сверху [10, s. 391].

В любом случае успех под Опочкой имел для России стратегическое значение.

Сигизмунд Герберштейн считал, что поражение под Опочкой разрушило все планы польского короля на достойный мир с Россией. Его сообщению об исходе переговоров можно доверять, поскольку императорский посол находился в самой гуще переговорного процесса и, потерпев неудачу, должен был внятно объяснить ее причины. Вот его объяснение: «После того как войско польского короля ничего не добилося под Опочкой, – а рассчитывалось, что если эта крепость будет захвачена, то можно будет достичь более выгодного мира, – великий князь [Василий III] сделался высокомерен, не захотел принять мира на равных условиях» [2, с. 395].

Блестящая победа под Опочкой имела и другое значение: со времен взятия Смоленска в 1514 г. русская армия не имела крупных боевых достижений. На вражеский успех под Оршей долгое время не удавалось ответить ничем значительным. И вот новый боевой триумф, вражеская армия с тяжелыми потерями отступает от стен незначительного русского городка. На воевод и рядовых воинов, вот уже пять

лет сражавшихся с литовцами за государя Василия III, Опочка должна была оказать ободряющее воздействие: дан ответ за Оршу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разрядная книга 1475–1605 гг. Том I. Часть I. – М., 1977.
2. *Герберштейн С.* Московия / С. Герберштейн. – М., 2007.
3. *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии / М. Н. Тихомиров. – М., 1962.
4. Сборник РИО. Т. 53. – СПб., 1887.
5. *Лобин А. Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 года / А. Н. Лобин. – СПб., 2011.
6. Разрядная книга 1475–1598 гг. – М., 1966.
7. Летописный свод 1518 года // Полное собрание русских летописей. – Т. 28.
8. Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. – Т. 8.
9. Псковская 1-я летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 5, вып. 1.
10. *Strykowski M.* Kronikapolska, litewska, zmodzka / M. Strykowski. – Warszawa, 1846. – Т. II.
11. Памятники дипломатических сношений с Империей Римскою (с 1488 по 1594 год) // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – СПб., 1851. – Т. 1.
12. Сборник РИО. Т. 35. – СПб., 1882.
13. Сборник РИО. Т. 95. – СПб., 1895.
14. *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени / А. А. Зимин. – М., 1972.
15. *Kronika Marcina Bielskiego* // *Zbiordziejopisówpolskich.* – Warszawa, 1764. – Т. 1.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Володихин Д. М., доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения
E-mail: volodih@mail.com
Тел.: 8-915-322-80-16

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Volodih D. M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Source Studies Department
E-mail: volodih@mail.com
Tel.: 8-915-322-80-16